

ГЕОРГИЙ МАКОВСКИЙ

В поисках дыхания бытия, или Почему мы живём в пространстве мнимых сущностей

Философское эссе

Москва · 2026

От автора

Мы живём среди вещей, людей и событий и обычно не задумываемся, как складывается знакомая нам картина мира. Между тем наше восприятие не получает готовые образы. Даже зрение начинается с обработки отдельных признаков — линий, контуров, цветов, которые мозг связывает в узнаваемые предметы. Без этой способности мир представлялся бы нам гораздо более разрозненным потоком ощущений. Известны даже нарушения, при которых человек видит предмет, но не может его узнать.

Однако узнать предмет — ещё не значит понять, что он для нас значит. Мы удерживаем не только образы вещей, но и отношения, воспоминания, ожидания, представления о себе и других. Из них складывается знакомый нам мир, в котором мы способны ориентироваться и действовать. Такие устойчивые формы значимого я называю мнимыми сущностями. Мнимыми не потому, что они ложны или выдуманы, а потому, что собираются и удерживаются в нашем опыте. Отсюда возникает важное различие между тем, что существует, и тем, какую устойчивую сущность мы за этим видим. Его выражает формула: «Сущее существует, а сущность мнится».

Но откуда вообще берётся сама возможность что-либо различать? Почему в мире существуют разные состояния, почему они изменяются и как сохраняют устойчивость? Именно с этих вопросов начинается дальнейший поиск. От уже существующего мира мы движемся к его самому простому условию — различимости, а затем прослеживаем, как различия удерживаются и складываются в устойчивые формы.

Здесь возникает ещё одна важная мысль: устойчивость не означает неподвижность. Даже там, где всё кажется застывшим, внутри продолжаются физические процессы, движения и взаимодействия. Мир не останавливается оттого, что отдельные вещи сохраняют свой привычный облик. Поэтому форму можно понимать не как нечто неподвижное, а как процесс, которому удаётся сохранять устойчивость. Форма — это стабилизированный процесс. Отсюда наше рассуждение постепенно переходит к более сложным уровням организации — жизни, сознанию и человеческому миру смыслов.

Это эссе — попытка увидеть общие связи между ними. Не готовая теория устройства Вселенной, а философская карта, позволяющая пройти этот путь и, возможно, немного иначе взглянуть на мир, частью которого являемся мы сами.

Содержание

- 01** Об опыте смыслолога
- 02** Про картографию мысли
- 03** То, что не предшествует существованию
- 04** От данного мира к предельным условиям
- 05** Различимость и предел вопроса о причине
- 06** Между зазором и интервалом
- 07** Сеть как пространство состояний
- 08** Созерцая архитектуру ожидания
- 09** Об удержании формы
- 10** Иерархия времени
- 11** Про живое и значимое
- 12** Сознательная сборка смысла
- 13** В пространстве мнимых сущностей
- 14** Нормативные формы
- 15** За крылом мотылька
- 16** Дыхание бытия

*Бытие не есть.
Бытие имеет место
как выход присутствия из потаённости.*

— Мартин Хайдеггер

1. Об опыте смыслолога

В наше странное и удивительное время всё яснее становится, что человечеству одного накопления знаний уже недостаточно. Мы можем собирать огромные массивы данных, учить машину находить закономерности, ускорять анализ текста, изображения, поведения и социальных процессов — и всё же не приблизиться к главному вопросу: что всё это значит для человеческой жизни? Не только как это работает, но и какой человеческий смысл из этого складывается.

На этом фоне всё острее возникает необходимость в особом способе мышления, который можно было бы назвать ноэмическим. От греческого поёма — помысленное, понятое содержание. Ноэмика — это попытка находить и проявлять связи между разными уровнями реальности: между природой и научным знанием, сознанием и культурой, языком и техникой. Такой взгляд не принадлежит целиком ни философии, ни науке, ни литературе, хотя пользуется языком каждой из них. Его задача — не доказать всё до конца, а удержать связи там, где разрозненные области начинают говорить об одном и том же. В этом смысле эту работу можно считать опытом ноэмического взгляда. А если сказать проще — опытом смыслолога.

Ноэмический подход спрашивает не только о том, что существует, и не только о том, как это устроено. Он спрашивает, каким образом нечто становится различимым, удержанным и значимым. Как возможность становится проявленностью, как проявленность входит в присутствие, как присутствие становится событием, как событие оставляет след, как след входит в живой или сознательный захват и как затем из этого захвата собирается сущность. Поэтому дальнейшее рассуждение можно читать не только как отвлечённую онтологическую схему, но и как пример ноэмического анализа в действии. Оно будет двигаться от самого раннего условия данности к форме, времени, следу, сознанию и пространству мнимых сущностей.

2. Про картографию мысли

Предложенную здесь работу можно сравнить с составлением карты метро. Такая карта не является фотографией тоннелей, не передаёт фактическую кривизну путей, глубину станций и инженерную сложность города. Её сила в другом. Она показывает линии, узлы и переходы, позволяя движению стать осознанным прохождением. Так же и эта работа не стремится заменить реальность готовой теорией. Она пытается выстроить онтологическую схему, которая могла бы помочь

пройти от предельных условий мира к человеку, к сознанию и, в конечном счёте, к самому человеческому способу существования.

3. То, что не предшествует существованию

Каждый человек с рождения оказывается в мире вещей и понятий, значение которых ему терпеливо объясняют окружающие взрослые. Его учат называть предметы, различать людей, понимать правила и ориентироваться в уже сложившемся пространстве смыслов. Со временем у него возникает ощущение, что мир состоит из готовых сущностей, которые открываются через вещи, слова и устойчивые представления о жизни.

И всё же современная философская мысль не раз ставила под вопрос эту уверенность. Сущность не предшествует существованию, а человек не приходит в мир с готовым внутренним содержанием. Он становится собой постепенно, через память, язык, отношения, поступки и те представления, которые успевает принять или отвергнуть.

В попытке разобраться в этих философских вопросах и прежде всего в вопросах существования возникает важная формула: сущее существует, а сущность мнится. Сущность не лежит внутри вещи как готовое ядро, которое надо просто обнаружить. Она собирается через восприятие, образ, повторение, имя, символ, язык и культуру.

Отсюда возникает следующий вопрос. Относится ли это только к человеку? Или любая сущность вообще не дана заранее, а возникает позднее, в ходе нашего обращения с вещами, людьми и миром? Возможно, нас окружают не готовые сущности, включая нас самих, а сущности, которые становятся для нас устойчивыми в опыте, памяти и значении. И в этом, возможно, заключён не только источник наших ошибок, но и наше преимущество. Именно так мы вообще можем собирать мир, смысл и самих себя.

4. От данного мира к предельным условиям

Так, рассуждение здесь идёт не от абстрактного начала мира, а от того, что мир уже дан. Мы уже внутри него. Мы встречаем в нём формы, изменения, устойчивости, память и восприятие. Отсюда возникает вопрос. Каковы минимальные условия этой данности? Что вообще должно быть возможно, чтобы могло появиться хоть что-нибудь как нечто?

Здесь важно уточнить: данность не означает только то, что мир дан человеку в опыте. Это было бы слишком узко. Данность означает более исходное положение: мир уже имеет место до нашего вопроса о нём. Мы не стоим перед миром как внешние наблюдатели, которым затем что-то предъявляется. Мы обнаруживаем себя внутри мира, который был до нашего понимания, до нашего языка, до нашего объяснения и до нашей воли. Исходная точка здесь не «мир для нас», а «мы в

мире». Само понимание становится возможным только потому, что человек уже включён в мир, который не он начал.

Этот вопрос важен для данной работы ещё потому, что в своих предельных областях и современная наука, и философская мысль всё чаще подводят нас к мысли, что привычная нам материя не обязательно должна быть первой точкой разговора. Если мы говорим о начале проявленного мира, то искать нужно не первую вещь, а условия, которые вообще делают возможным появление чего-либо. То есть речь идёт о чём-то более раннем, чем материя в привычном нам смысле.

5. Различимость и предел вопроса о причине

Если двигаться именно так — искать не первую вещь, а условие появления чего-либо как нечто, то мысль прежде всего сталкивается с возможностью различать. Речь идёт не о готовых различиях между вещами, а о том, что одно может быть несводимо к другому. Если ничто не отличается ни от чего, тогда нельзя говорить ни о появлении, ни об изменении, ни об устойчивости, ни о мире как данности. Эту предельную возможность отличия можно назвать различимостью.

Любая возможность, пока она остаётся только условием, пребывает в менее затратном режиме, чем её реализация. В потенции ей не нужно сохранять очертания, подтверждать себя, воспроизводить собственную форму. Она может сохранять неопределённую полноту, не выбирая одного очертания из многих. Но реализация всегда сужает поле возможного и требует удержания выбранной определённости. Проявленное не просто появляется. Оно должно продолжать удерживаться, иначе снова теряет очертания и возвращается к более лёгкому состоянию простой возможности.

На человеческом уровне похожий рисунок виден на примере такого понятия, как справедливость. Пока возможность справедливости существует как смутное ожидание, она не требует института. Но как только она становится законом, правилом, обязанностью, её нужно поддерживать. Нужны язык, согласие, исполнение, повторение, санкции, доверие. Норма не существует сама по себе. Она постоянно тяготеет к распаду, если её не удерживают.

Возвращаясь к различимости как предельному условию проявленного мира, можно сказать, что здесь действует тот же принцип. Различимость сама по себе ещё не образует проявленности. Она только открывает возможность отличия. И чтобы мир начал проявляться, эта возможность должна удерживаться. Иначе отличие снова уходит в неразличимость, как вспышка, не успевшая стать светом.

И здесь легко поддаться соблазну и начать слишком быстро отвечать на вопрос о причине проявленности и самого бытия. Почему вообще есть бытие, а не полная неразличимость? Почему возможность выходит из потаённости? Эти вопросы подводят нас к самой границе человеческого понимания. Конечно, философская мысль может заходить очень далеко, почти до горизонта, за которым обычные объяснения теряют опору. Но у нашей способности познавать всё равно есть

предел. И здесь не стоит делать вид, будто этот предел уже пройден. Поэтому речь здесь не о причине бытия как такового, а о том, что происходит по эту сторону горизонта, когда отличие уже стало проявленным.

6. Между зазором и интервалом

Если различимость можно назвать условием по ту сторону проявленности, то дальше возникает вопрос об условии уже внутри проявленного. Различимость открывает возможность отличия, но сама ещё не образует проявленного мира. Чтобы отличие не исчезло сразу, внутри проявленности должно появиться минимальное «между», в котором одно уже не сводится к другому. Это «между» и есть зазор.

Но зазор относится к условиям проявленности уже другого порядка. Он нужен не для самой возможности отличия, а для его несхлопывания. В нём отличие впервые получает возможность не раствориться обратно в неразличимости.

Как всякое условие, зазор тяготеет обратно к потенции. Если он не получает устойчивости, то может снова исчезнуть, и отличие уйдёт в неразличимость. Проявленному миру одного мгновенного «между» ещё недостаточно. Это «между» должно удержаться.

Удержанной формой зазора становится интервал. Можно сказать, что интервал — это такой зазор, который обрёл протяжённость. В нём одно уже не просто отличается от другого, а удерживается в стороне от него.

Вместе с интервалом возникает и первая мерность. На данном этапе мерность означает лишь простейший режим протяжённости, в котором различие уже удерживается как разнесённость.

И только когда интервал получает эту первичную мерность, впервые становится возможен переход. Переход — не отдельное пространство между состояниями, а само изменение состояния через прохождение интервала. Если состояние меняется, оно уже не совпадает с тем, чем было прежде, и ещё не совпало с тем, чем становится. Между этими определённоностями возникает интервал изменения. Его нельзя перескочить, его нужно пройти.

В привычной физической реальности это легче увидеть на материи: ни одно изменение не происходит без движения, смещения, колебания, обмена или перестройки отношений. Даже когда нам кажется, что изменилось только качество, за этим стоит изменение конфигурации. Переход можно понимать как изменение актуальной конфигурации, в котором прежнее состояние уступает место следующему. При этом сохраняется сама возможность различать состояния и проходить между ними. Различимость проявляется как различённость уже в первом отличии. Зазор и интервал позволяют этому отличию удерживаться, обретать протяжённость и становиться условием дальнейших переходов.

Уже на этом предельном уровне интервал можно мыслить как первую форму — не материальный предмет, а устойчивый способ удержания различённости и возможности перехода. Дальнейшее разрастание сети усложняет этот принцип формообразования, но не создаёт его заново.

7. Сеть как пространство состояний

Дальше эта картина начинает усложняться. Для устойчивой реализации зазора как условия несводимости одного интервала недостаточно. Пространство состояний начинает множиться, разветвляться и расширяться. Интервалы перестают быть единичными. Из них складывается сеть различённости — пространство состояний, в котором уже удержанные отличия начинают собираться в более сложные конфигурации. В этой сети возникают узлы — локальные сгущения связности. Но и сами узлы не остаются неподвижными: они тоже могут смещаться, перестраиваться, менять конфигурацию всей сети. Поэтому мир растёт не как простое накопление линий, а как всё более сложное переплетение интервалов, переходов и подвижных узлов.

В каждый момент актуальна определённая конфигурация сети. Её переходы происходят среди множества возможных различённых состояний, причём вместе с изменением связей меняется и само пространство этих возможностей. Поэтому движение в такой сети можно мыслить как прохождение актуальной конфигурации по сети возможных различённых конфигураций. Локальное возвращение к близкому состоянию не отменяет изменений, накопленных более широкой сетью.

Но различённости недостаточно однажды возникнуть. Чтобы она сохранилась, сети приходится продолжаться, открывать новые ходы и наращивать пространство возможных конфигураций. Именно здесь начинает проявляться более сложная пространственность.

В пределах этой онтологической схемы то, что мы потом переживаем как объём и как движение в трёх измерениях, можно понимать как поздний эффект огромного числа взаимосвязанных интервалов, переходов и узлов. Иначе говоря, трёхмерность здесь не исходная форма пространства, а результат разрастания и уплотнения первоначальной одномерной сети. Поэтому и привычное нам движение в пространстве следует мыслить не как перемещение внутри заранее данного объёма, а как прохождение по множеству связанных узлов и переходов, включая их диагональные сочетания.

8. Созерцающая архитектуру ожидания

Если продолжить метафору карты метро, то здесь наша мысль должна сделать переход. А если точнее — на мгновение задержаться и погрузиться в созерцание самого перехода.

До сих пор мы называли переход изменением состояния через прохождение интервала. Теперь важно увидеть, как в таком переходе состояния рождается ожидание. Если одно состояние переходит в другое через интервал, этот переход уже не может быть нулевым. Он вынужден испытать длительность собственного прохождения. Это испытание длительностью и есть ожидание.

Это не человеческое ожидание в психологическом смысле, а более древняя пауза самого перехода. Так вместе с первым переходом появляется первая временность. И вот здесь начинается самое интересное.

Представьте готический неф, где ряды стрельчатых арок стоят одна за другой, образуя длинную анфиладу. Между каждой парой сводов остаётся клиновидное пустое место. Средневековые мастера называли его антревольтом — от *entre voûtes*, «между сводами».

Антревольт не является аркой и не держит конструкцию. Он возникает между несущими камнями как вынужденное пространство, которое не было намеренно спроектировано архитектором, но неизбежно появляется вместе с ритмом и формой арок. Его можно заполнить витражом, орнаментом, барельефом, а можно оставить почти пустым, позволяя свету и звуку пройти через его контуры. Даже пустой, он не исчезает. Он делает видимым порядок арок, их ритм и тот вынужденный промежуток, который возникает из их взаимного расположения.

Вслед за этой красивой архитектурной метафорой мы можем назвать время антревольтом пространства. Оно не возникает как вещь среди вещей и не течёт поверх мира внешним потоком. Оно появляется внутри самого перехода, как его вынужденная длительность. Пространство удерживает различённость, но именно переход делает эту различённость проходимой. Там, где переход не может быть мгновенным, возникает пауза прохождения. В этом смысле время — это архитектура ожидания, возникающая там, где есть протяжённость, различённость и необходимость перехода.

9. Об удержании формы

Возвращаясь к сети различённости, можно заметить, что она не остаётся равномерной. Внутри неё возникают участки, где движение удерживается устойчивее, чем в других местах. В разрастании сети сохраняется возможность удержания различий, тогда как противоположная тенденция всё время возвращает их к пределу неразличимости. На стыке этих разнонаправленных процессов часть переходов начинает сохранять повторяемый рисунок, и в сети складывается локальная собранность траекторий. Такой режим собранного и продолжающегося движения можно назвать формой. Иными словами, форма — это стабилизированный процесс. В самом раннем смысле такая форма становится первым режимом материальности: устойчивым сгущением процесса, полем, конфигурацией или элементарным объектом.

Устойчивость формы может проявляться в повторяемости: воспроизводится не обязательно прежнее состояние, а определённый рисунок связей и переходов. Когда повторные переходы приобретают согласованный временной порядок, возникает ритм формы. При этом ритм не требует точного возвращения к прошлому: форма может сохранять узнаваемость и одновременно изменяться.

Вместе с удержанием формы меняется и характер времени. В сети переходов появляются повторяемые ритмы, но сама конфигурация уже не возвращается к себе полностью: она смещается, накапливает различия и сохраняет следы пройденных состояний. Так из первичной временности перехода вырастает стрела времени, как направленность накопленных изменений внутри самой сети различённости.

10. Иерархия времени

Следуя за стрелой времени, мы обнаруживаем всё более сложные режимы переходов. Чем сложнее система, тем заметнее, что у неё есть собственный временной порог: изменение должно успеть стать различимым именно для этой системы. Такой собственный временной порог системы можно в широком смысле понимать как элемент иерархического времени. Для этого порога в дальнейшем удобно ввести имя аутохрон — от греческого αὐτός, «сам», «собственный», и χρόνος, «время». Аутохрон обозначает минимальную длительность различимого перехода системы.

Если такой порог у каждой системы свой, то разные уровни организации обладают разными временными масштабами. Время элементарного физического процесса, живой клетки, нервной системы и человеческого сознания не сводится к одному и тому же внутреннему ритму. На каждом уровне переход становится различимым по-своему.

В биологических системах этот принцип становится особенно наглядным. Представим семя, попавшее в землю. Чтобы начать расти, ему нужно различить, где низ и где верх. Эту роль выполняют статолиты — маленькие внутренние «грузики», по которым растение чувствует силу тяжести. Смещаясь, они запускают внутреннюю цепочку сигналов, благодаря которой корень уходит вниз, а будущий побег — вверх. Этот процесс называется гравитропизмом. Между попаданием семени в среду и первым устойчивым ростом проходит собственный интервал системы. Он складывается из множества вложенных процессов, у каждого из которых есть свой аутохрон. Переход становится различимым тогда, когда внутренняя перестройка успевает собраться в новый режим.

Так аутохрон можно понимать как минимальную длительность, в которой система успевает отличить одно своё состояние от другого и перейти к новому режиму. У каждой системы этот интервал свой: у элементарного физического процесса — один, у живой клетки — другой, у нервной системы — третий, у человеческого сознания — ещё более сложный. Но во всех случаях речь идёт о том,

что переход должен быть различимым для самой системы, а значит, должен иметь собственную длительность.

11. Про живое и значимое

Для нас, живых существ, особенно значим момент, когда форма уже не просто удерживает устойчивый рисунок процесса, а начинает самостоятельно поддерживать собственную форму. Этот напряжённый и интенсивный режим удержания мы называем жизнью. Живое остаётся живым только пока поддерживает себя через непрерывную работу множества внутренних процессов.

Отметим, что живая форма не только сложнее прежних уровней организации, но и гораздо уязвимее. Риск для неё возникает как во внешней среде, так и в самой внутренней организации. И чем сложнее живая форма, тем острее необходимость различать то, что помогает ей сохраниться, и то, что ведёт к распаду. Так возникает удержание значимого. Живое существо начинает строить собственное поведение на различении благоприятного и опасного, своего и чужого.

Здесь повторяется уже знакомый нам рисунок удержания, только на более интенсивном уровне. Различённость должна удерживаться, чтобы не исчезнуть в неразличимости. Форма должна удерживаться, чтобы не распасться в поток. А живое должно удерживать значимое, чтобы надёжнее поддерживать собственную форму.

Можно сказать совсем просто: у паука нет философских понятий, но у него уже есть закреплённые различия значимого. Один тип сигнала ведёт его к добыче, другой заставляет прятаться. Вибрация сети обычно означает возможную жертву, а тень определённого размера — угрозу. Это ещё не язык и не культура, но уже нечто большее, чем простая физиологическая реактивность.

12. Сознательная сборка смысла

По мере усложнения живой формы меняются и способы удержания значимого. Живое всё точнее различает происходящее, обучается, перестраивает ориентиры и соотносит новые воздействия с уже приобретённым опытом. В меняющейся сети различённости одной устойчивости недостаточно: для продолжения собственной формы требуется адаптация. Уже ранние живые системы способны менять поведение, а более сложная организация расширяет возможности такой перенастройки в пределах одной жизни.

В этом усложнении живого удержания мы постепенно подходим к сознанию. Прежний принцип удержания приобретает новые возможности. Значимое сохраняется в опыте, соотносится с другими значимостями и влияет на дальнейшее поведение живой формы. На ранних уровнях такое различие направляет действия и помогает приспосабливаться к среде; на более сложных — соединяется с памятью, обучением и изменением собственных ориентиров. У человека значимое

становится доступным рефлексии, получает имя и входит в сложный порядок символов и языка. Человеческое сознание развивает более ранние способы удержания, объединяя их в многосвязную организацию опыта.

Эта работа проявляется в согласованности восприятия, памяти и действия. В постоянно меняющемся мире живое удерживает значимое, соотносит происходящее с прежним опытом и изменяет собственное поведение. Удержанное не исчезает вместе с вызвавшим его событием. Оно оставляет след, меняет восприятие новых обстоятельств, делает одни действия более доступными, другие — менее вероятными. Так значимое возвращается к самой живой форме и участвует в её дальнейшем становлении.

13. В пространстве мнимых сущностей

Удержание значимого начинается задолго до появления человеческого языка. Уже живое существо сохраняет устойчивые различия между благоприятным и опасным, своим и чужим, возможностью и угрозой. Такие досимвольные стабилизации значимого можно рассматривать как ранние формы мнимой сущности. Мнимость здесь указывает на способ существования: значимое собирается, сохраняется в опыте и возвращается в дальнейшее восприятие и действие. У человека этот процесс приобретает новую сложность. Восприятие, образы, память, ожидания, символ и язык связывают переживания в узнаваемые фигуры, имена, роли и смысловые опоры.

Теперь можно вернуться к исходной формуле: сущее существует, а сущность мнится. Существовать здесь значит входить в живой захват и открываться в опыте как нечто. Сущее — это то, что существует именно в этом смысле. Сущность же возникает там, где это существующее уже не только схватывается, но и удерживается, закрепляется и собирается в устойчивую форму значимого.

Именно поэтому человеческий мир можно назвать пространством мнимых сущностей. Мы живём среди устойчивых сборок значимого, которые помогают ориентироваться, помнить, передавать опыт и продолжать собственную историю. Многие из них удерживаются совместно: поддерживаются вниманием, признанием и действиями множества людей, а затем становятся частью опыта новых поколений.

14. Нормативные формы

По мере того как удержание мнимых сущностей начинает опираться на символ, язык и культурную память, закрепляются уже не только образы вещей, других людей или самого себя. Начинают удерживаться формы совместной жизни: любовь, верность, долг, запрет, ответственность, вина, закон.

Это уже не просто сущности, которые помогают узнавать мир. Это нормативные формы — устойчивые ориентиры совместной жизни. Они задают не только то, что

мы видим и называем, но и то, как мы относимся друг к другу, где проходит предел допустимого, что требует верности, что вызывает вину, что нуждается в защите.

Такие формы не даны природой в готовом виде, но и не сводятся к пустой условности. Они реальны, однако способ их реальности иной: они держатся не материей, а значимостью, признанием, вниманием и общим усилием удержания.

15. За крылом мотылька

Мы прошли путь от различимости к становлению формы, от формы — к жизни, от живого удержания значимого — к человеческому миру смыслов. Но иногда весь этот путь можно увидеть в самом малом, почти неуловимом движении.

Для нас, людей, значима прежде всего наша жизнь. Мы живём, боимся, действуем, устаём, надеемся, ошибаемся, заботимся, причиняем вред, удерживаем близкое и теряем его. Но нозмика не позволяет замкнуть значимость живого на человеке.

И хотя нам естественно искать центр этой значимости в себе, масштаб живого можно увидеть и на самом малом примере, доступном созерцанию.

Мы привыкли мерить событие его размером. Взрыв звезды кажется нам великим, потому что он ослепителен, огромен, разрушителен. А движение крыла мотылька кажется почти ничем: тонкая дрожь в воздухе, едва заметное колебание живой ткани, мгновение, которое исчезает раньше, чем мы успеваем придать ему значение.

Но нозмически эта малость обманчива. За взмахом крыла мотылька скрывается событие другого ранга. Оно важно не потому, что производит большую силу, а потому, что происходит иначе. Здесь становится видимой разница между произвольным движением материи и произвольным движением живого.

Неживое тело движется произвольно. Камень падает, потому что его несёт гравитация. Звезда взрывается, потому что исчерпана внутренняя устойчивость её физического состояния. Чёрная дыра искривляет пространство не потому, что отвечает миру, а потому что такова её масса и геометрия. В неживом величие может быть грандиозным, но оно остаётся величием необходимости.

Живое вводит в мир другой режим перехода. Оно не выходит за пределы физики, не нарушает причинности, не отменяет законов материи. Но внутри этих законов появляется произвольность. Не воля в человеческом смысле, не сознательный выбор, не намерение, а способность живой формы удерживать себя, отделять себя от среды, запасать возможность действия и выпускать её в мир изнутри собственного состояния.

Клетка, удерживающая мембрану, уже не просто растворена в среде. Она создаёт границу между внутренним и внешним. Бактерия, меняющая направление движения, уже не является только пылинкой, гонимой потоком. Она различает

благоприятное и вредное, приближение и удаление, возможность и угрозу. Мотылёк, двигающий крылом, ещё не совершает поступок в человеческом смысле, но его движение уже не сводится к падению камня или взрыву звезды. Оно проходит через живую форму, накопленную энергию и внутреннее удержание различия.

Можно сказать, что живое скручивает в себе пружину мира. Оно собирает энергию, поддерживает границу, чувствует среду и в какой-то момент выпускает накопленное не как простой механический срыв, а как собственное действие. Это ещё не мысль и не воля. Но это уже движение, исходящее изнутри живого режима.

Поэтому движение крыла мотылька можно сравнить со взрывом сверхновой. Сверхновая несравнимо больше как событие силы. Она может выжечь и перестроить огромные области космоса, разбросать вещество будущих миров, изменить судьбу звёздных облаков и планет. Но она не может сделать того, что делает мотылёк. Она не может произвольно сдвинуться изнутри живого состояния. Она не может уклониться, потянуться к свету, уйти от угрозы, ошибиться в направлении и снова изменить движение.

В этом смысле взмах крыла мотылька может быть событием более высокого нозмического ранга, чем взрыв сверхновой. Не по энергии, не по масштабу разрушения, не по физической мощности, а потому, что в нём материя уже не просто меняет состояние. Она удерживает себя как живое, различает мир и возвращает это различие в мир как движение.

Но и этого ещё недостаточно. Движение крыла мотылька не является простым смещением маленькой частицы материи в воздухе. Крыло, воздух, свет, нервные узлы, мышцы, химическая энергия, направление, угроза, притяжение, вся тонкая архитектура живого тела — всё это на мгновение входит в новую конфигурацию. Взмах крыла становится малым узлом огромной перестройки. Сеть различённости не просто продолжается по инерции и не просто разрастается под действием внешних причин. Она меняет свою форму изнутри живого режима.

В неживой природе сеть тоже изменяется. Звезда взрывается, вещество рассеивается, поля меняют напряжение, частицы вступают во взаимодействия. Но всё это остаётся произвольной перестройкой. Сеть меняется, потому что так складываются силы, массы, энергии, давления, распады и столкновения.

В живом появляется иное. Сеть различённости как будто научилась не только расширяться и разрастаться, но и менять свою конфигурацию изнутри удержанной формы. Поэтому взмах крыла мотылька — не малый эпизод на фоне большой Вселенной, а знак того, что во Вселенной возник режим, в котором сама сеть переходов начинает перестраивать себя произвольно.

Человек вводит в эту перестройку ещё более опасный и ответственный уровень. Он действует не только телом, но и образом, словом, памятью, понятием, страхом, надеждой, культурой, техникой. Он меняет сеть различённости не только

движением руки, но и мыслью, решением, формулой, приказом, отказом, заботой, разрушением, обещанием.

Мы не можем до конца представить масштаб этого влияния. Каждое человеческое действие входит в сеть последствий, которую невозможно полностью просчитать. Даже мысль, ещё не ставшая поступком, уже перестраивает внутреннюю карту возможного. Она меняет вероятность будущего слова, жеста, выбора, насилия или милосердия.

Отсюда не следует гордость живого перед неживым. Скорее наоборот: отсюда начинается ответственность. Нельзя больше сказать: это всего лишь жест, всего лишь слово, всего лишь мысль. В мире, где значимое возвращается в материю через живое действие, даже малое становится участником большой сети последствий.

За крылом мотылька открывается не повод для человеческой гордости, а мера человеческой ответственности.

16. Дыхание бытия

Подводя итог, можно сказать, что эта работа строилась вокруг трёх понятий: бытие, сущее и сущность. Но из этой тройки только бытие остаётся тем, что не может быть целиком охвачено ни опытом, ни понятием. Оно не является ещё одним предметом среди предметов и не превращается в сущность, которую можно окончательно удержать. Бытие скорее похоже на горизонт, из-за которого проявленное выходит к нам, но сам этот горизонт не исчерпывается одним только проявленным миром.

В астрофизике, при описании чёрных дыр, есть близкая по силе метафора. Для внешнего наблюдателя тело, падающее к горизонту событий, словно всё медленнее приближается к границе и никогда окончательно её не пересекает. Но в собственном времени самого тела пересечение уже происходит. Так и мысль, приближаясь к вопросу о бытии, может оказаться дальше, чем это доступно наблюдению. Возможно, она уже пересекает некий предел, но изнутри нашего мира мы не можем достоверно увидеть это пересечение.

И нам остаётся только исследовать окрестности этого предела. По эту сторону горизонта мы можем говорить не о бытии как таковом, а о тех режимах, в которых оно становится для нас ощутимым: о различимости, становлении, форме, жизни, сознании и человеческом удержании мира. Кто знает, возможно, то, что для нас выступает как различимость, по ту сторону горизонта является лишь одним из режимов более глубокой различённости.

Бытие не дано нам как объект, который можно однажды увидеть и превратить в готовое знание. Но мы можем почувствовать его дыхание. Оно живёт в переходах и удержании форм, в расширении пространства и в живом различении значимого. Оно присутствует там, где сознание собирает мир из образов, памяти и ожиданий, а мнимые сущности позволяют человеку сохранять не только картину мира, но и сам способ своего существования.

Москва, 2026 г.